

Глава 22. Дворцовые интриги питомцев

Свежий горный ветер, переваливая через хребты, лениво колыхал дикие травы и трепал широкие рукава ханьфу Цзян Чаншэна. Даос поднял голову, вглядываясь в изумрудную зелень лесов, укрывающих склоны, а затем перевёл непонимающий взгляд на Дань Синьцзэ. В глазах юноши читалась странная, почти фанатичная решимость.

— Почему ты этого хочешь? — мягко спросил Чаншэн.

— Потому что я хочу стать сильнее, — Дань Синьцзэ поджал губы, и в его зрачках отразились блики яркого солнца. — Хочу дождаться того дня, когда наконец смогу по-настоящему принять самого себя.

Он сделал глубокий вдох, стараясь унять дрожь в голосе:

— Я всегда знал, что не из тех, кого называют избранниками небес. Я лишь один из многих, самый обычный человек в этом бескрайнем мире. Я терял надежду, опускался на самое дно и познал вкус отчаяния. Но всё же... я хочу попробовать ещё раз. Какой бы ни была развязка, я выложусь на полную. Даже если мне суждено вновь оказаться в ледяных объятиях зимы, я хочу знать, что спустя годы мне не в чем будет себя упрекнуть.

В его взгляде вновь вспыхнул тот азартный огонёк, что бывает лишь в ранней юности. Годы суровой реальности успели притушить его, но сейчас, несмотря на шрамы прожитого опыта, Дань Синьцзэ проснулось мужество человека, готового на последний, решительный бой.

— Кажется, мы проиграли по всем фронтам... — прошептал Эр Пан, рыжий кот, поджимая лапы в углу закуской. Он с тоской покосился на своих пушистых собратьев. — Вот скажите, как люди умудряются нести такую пафосную чушь? На нашем фоне он выглядит героем, а мы — какими-то бездельниками.

Он привык проводить дни в неге: ел, пил, да спал. И на фоне этого воодушевлённого юнца его собственное нежелание расти над собой стало слишком очевидным.

«Неужели Хозяин перестанет меня любить?» — эта мысль заставила кота занервничать. Он припал к полу, в его глазах отразилась тревога.

Сань Ва, золотистый хомяк, отложил кусочек курицы. Он стал необычайно серьёзен.

— Подумать только, едва пришёл, а уже взялся за обольщение Хозяина! Стоит ему переступить порог — и он вскружит Лавочнику голову. А нам тогда какое место останется?

Да Ша, хаски, недоуменно обернулся:

— Третий брат, ты же у нас мастер красноречия. Тебе-то чего бояться?

Хомяк одарил его взглядом, полным снисхождения к чужой простоте:

— Я выражаю Хозяину свою преданность в восторженных тонах, прямо и открыто. А этот тип использует иную тактику — «страдальческую». Он нарочито выставляет напоказ своё рвение, стойкость и уязвимость. Пройдёт время, и Хозяин начнёт выделять его: мол, посмотрите, какой он старательный и сильный, не то что эти расфуфыренные дармоеды. Представляете, что с нами будет?

Эр Пан уже вовсю рисовал в воображении картины своего безрадостного будущего. Его захлестнула волна ревности.

— С виду такой порядочный малый, а на деле — какой коварный интриган! — фыркнул кот, топорща усы.

Хаски напрягся:

— И что нам делать?

— Действовать по обстоятельствам, — отрезал хомяк.

Тем временем Цзян Чаншэн, глядя в полные надежды глаза Дань Синьцзэ, наконец произнёс:

— Боюсь, это невозможно...

Троица питомцев в углу радостно встрепенулась, едва не пустившись в пляс.

Дань Синьцзэ мгновенно помрачнел. «Неужели я и впрямь настолько безнадежен?» — пронеслась в его голове горькая мысль.

Однако у Чаншэна были совсем иные резоны. О том, чтобы держать человека в качестве «питомца», не могло быть и речи — слишком странная затея. Но если принимать его как ученика или помощника...

Перед ним стоял пламенный юноша с идеалами и волей к жизни. А чему он мог научиться в их «Закусочной Гор и Морей»? Даос попытался вспомнить их таланты: сам он мог научить разве что кулинарии, Мо Ци — искусству пожирания людей, а трое пушистых оболтусов — мастерству лени и умению строить рожи.

Перспектив, мягко говоря, не густо.

— Послушай, парень, — осторожно начал Чаншэн, подбирая слова. — Я верю в тебя. Как говорится, сегодня ты на востоке реки, через тридцать лет — на западном берегу. Судьба переменчива.

— Значит... — Дань Синьцзэ вскинул голову.

— Просто нашей закуской ещё есть куда расти. Тебе лучше выбрать орден, который больше подходит для твоего развития.

Юноша поник, в его голосе зазвучала горечь:

— Я понимаю. Даос Цзян, вы просто не хотите тратить время на такого, как я... Верно, во мне нет ничего особенного. Единственное, что у меня есть — это пустая решимость. Но в наш век, где ценятся лишь осязаемые результаты, какой в ней толк? Лишь отражение в воде да цветок в тумане.

Цзян Чаншэн мысленно вздохнул. Похоже, его слова истолковали превратно.

— Слышали? — Эр Пан дернул ухом. — Использует метод «отступления ради нападения», давит на жалость!

— Этому человеку здесь не место, — прошептал хомяк, прищулив глаза. — Ещё порог не переступил, а уже так складно поёт. Если пустим его, он нас всех выживет своими интригами.

— Лавочник Цзян!

Раздумья Чаншэна прервал знакомый мягкий голос. Подняв глаза, он увидел Цзюэжу в человеческом облике. Красавец-мужчина подошёл к крыльцу, держа в руках корзину, наполненную мелкими золотистыми цветами, источающими густой, дурманящий аромат.

Он пришёл не один. Следом за ним шествовал иссиня-чёрный зверь, похожий на быка. Он уставился на Чаншэна огромными ясными глазами, а из пасти вырвался гулкий, низкий рокот:

— Цзюэжу сказывал, что снесь здесь отменная, вот я и решил заглянуть.

На спине быка, хлопая сизыми крыльями, сидела уродливая птица с человеческими ногами. Это был Шуси, старый знакомый даоса. Перья, которые он недавно потерял, начали отрастать, но куцыми пучками, отчего птица выглядела довольно комично.

— Не подумайте, я вовсе не есь сюда пришёл, — проскрежетал Шуси, отворачиваясь. — Так, мимо пролетал, решил составить компанию.

Цзян Чаншэн почувствовал, как в его сознании отозвался «Дневник Гор и Морей». Развернув его, он увидел новое изображение — существо, в названии которого сочетались иероглифы «чуткий» и «бык».

Глаза этого дивного зверя были гораздо больше, чем у обычного вола, и сияли каким-то неземным светом. Чаншэн невольно вспомнил мем из прошлой жизни про «глаза как у коровы».

В ту же секунду раздался мелодичный голос системы:

[Поздравляем! Хозяин открыл 20-ю запись в Дневнике Гор и Морей]

Спрятав артефакт в рукав, Чаншэн принял корзину из рук Цзюэжу.

— Это же...

— Ты как-то обмолвился, — негромко произнёс Цзюэжу, опуская глаза, — что хотел бы приготовить суп с клёцками из корицы с Гаотушань. Я выбрал для тебя самые лучшие цветы.

Цзян Чаншэн замер. Он и подумать не мог, что брошенная вскользь фраза так западёт гостю в душу.

Пришедшие принесли с собой немало нефрита и золота в уплату за угощение. Чаншэн поспешно велел троице питомцев проводить гостей внутрь. Сам он направился к кухне, но на пороге обернулся к Дань Синьцзэ:

— Хорошо, я могу принять тебя. Но ты уверен, что это место — то, что тебе нужно?

— Я приложу все усилия! — торжественно пообещал юноша, низко кланяясь.

Чаншэн лишь покачал головой. «Тут у нас логово лентяев, парень. Твои мечты о героической культивации разобьются о суровую реальность кухонного быта». Но раз уж тот настаивал, пришлось согласиться. Тем более что после системного ремонта в доме появились свободные комнаты, а Мо Ци всё равно каждую ночь куда-то пропадал и возвращался лишь к рассвету.

— Заходи. Для начала вымой руки, — скомандовал даос.

Дань Синьцзэ растерялся, но послушно последовал за ним.

— У этого человечиски получилось... — Эр Пан обиженно надул щёки.

— И его сразу пустили в святая святых — на кухню! — Сань Ва задумчиво потирал лапкой меховой подбородок. — Теперь ему будет куда проще воровать еду.

Хаски молча переводил взгляд с одного на другого.

У дверей тем временем начали собираться другие практики. Увидев трёх зверей на уровне пика Трансформации Духа, которые в праведном гневе метали молнии взглядом, некоторые поспешно попятились.

Заметив это, кот, которому было велено встречать гостей, яростно мяукнул:

— А ну стоять! Куда пошли? А заходить кто будет?!

— Мы... мы заходим, — вздрогнул один из практиков и, втянув голову в плечи, бочком протиснулся внутрь.

***

На кухне Цзян Чаншэн решил, помимо клёцок, приготовить ещё и сладости: рисовые «облачные шарики» с начинкой.

— Сначала посмотри, как делаю я, а потом попробуешь сам, — наставлял он Дань Синьцзэ. — Это просто, быстро научишься.

С каждым выполненным заданием системы поток клиентов рос, и Чаншэн всё чаще проводил на кухне целый день, ничего не успевая. Помощь Дань Синьцзэ была как нельзя кстати.

Даос высыпал рисовую муку в нефритовую чашу, добавил воды, сахара и немного подогрел. Когда масса стала податливой, точно мягкое облако, он завернул в неё кисло-сладкие плоды, напоминающие боярышник.

Разрезав один шарик пополам, Чаншэн полюбовался результатом: белоснежная, нежная оболочка скрывала внутри рубиновую сердцевину. Тонкий аромат риса смешивался с ягодной кислоткой. Один кусочек — и ты словно переносишься в цветущий сад. Жаль только, кокосовой стружки под рукой не оказалось, с ней было бы ещё вкуснее.

— Неси это гостям, — велел он питомцам, а затем обернулся к помощнику: — Теперь твоя очередь. Попробуй.

— Я?.. — Дань Синьцзэ, никогда не державший в руках ничего, кроме меча и талисманов, замер перед кучкой муки в полной растерянности.

Троица «пушистых дьяволят», расставив блюда, заговорщицки переглянулась.

— Сейчас зайдём, — шепнул хомяк, — сожрём всё, что они наготовили, и свалим на него. Мол, это он всё слопал. План — огонь!

— Может, не надо? — засомневался хаски. — Вроде нормальный же парень...

Рыжий кот одарил его испепеляющим взглядом:

— Хочешь лишиться любви Хозяина? Посмотри на нас: мы ленивые, прожорливые оболтусы. А любовь Лавочника — ресурс ограниченный, как еда на тарелке. Сначала съедают самое вкусное, а остатки никому не нужны. Хочешь стать «остатком»?

— Но еда Хозяина всегда вкусная... — пробормотал Да Ша.

— Не тупи! — Эр Пан хлопнул его лапой по лбу. — Запомни: если Хозяин полюбит кого-то другого, на нас у него сил не останется. Ты что, хочешь вернуться в прошлое?

Хаски замер. В памяти всплыли образы бесконечного бега, когда он тщетно пытался догнать чью-то ускользающую тень. Раз познав тепло и уют, возвращаться в холодное одиночество не хотелось.

— Ладно, — решил пёс. — Но если еда пропадёт, Хозяин в первую очередь подумает на нас.

— У меня всё схвачено! — гордо заявил кот. — Мы спрячемся в старом деревянном ящике. Хозяин нас не увидит, а когда всё случится, мы нарочито появимся в зале перед гостями. Вот и алиби!

— Идёт.

Питомцы дождались момента, когда Чаншэн отвернулся, и в один миг переместились в кухонный ящик, затаившись в темноте.

— Тут воняет, — пропищал хомяк, зажимая нос.

— Цыц! Нас обнаружат. Следим за обстановкой и ждём момента.

***

— Я закончил, — нерешительно произнёс Дань Синьцзэ спустя некоторое время.

Чаншэн бросил взгляд на результат его трудов. На столе лежал бесформенный, пугающий комок теста, который лишь с большой натяжкой можно было назвать «шариком». Даос некоторое время молча созерцал это кулинарное чудище, а затем, вздохнув, принялся сгребать кухонные очистки прямо в деревянный ящик, стоящий в углу.

— Что это на нас валится?! — в ужасе прошипел Эр Пан в темноте ящика.

— Тихо! Ждём подходящего момента! — хаски придавил её лапой, затыкая пасть.

Цзян Чаншэн указал на ящик:

— Я потом посмотрю, что с твоим «творением» делать. А пока — вынеси этот хлам.

— Весь ящик? — уточнил Дань Синьцзэ.

— Да, он старый, давно пора было выбросить. Для мусора у нас теперь другие баки.

Дань Синьцзэ кивнул и, подхватив ящик, направился к выходу. Он мимолётно удивился тому, каким тяжёлым оказался старый короб, но списал это на скопившийся внутри сор. Как-никак, он был практикующим стадии Закалки Ци и обладал недюжинной силой.

Юноша быстро дошёл до края Горы Небесного Императора. Взглянув вниз, в окутанную туманом бездонную пропасть, он размахнулся и отправил ящик в полёт.

— МЯУ-У-У-У-У!!!

— ГАВ-А-А-А-А-А!!!

— ПИ-И-И-И-И-И!!!

Дань Синьцзэ обернулся, нахмурившись. Ему на мгновение показалось, что из глубины ущелья донеслись чьи-то очень странные и очень знакомые крики. Но, пожав плечами, он решил, что это просто разыгравшееся воображение, и поспешил обратно на кухню.